

Новинский бульвар

В моей жизни самым затягивающим и опасным был не "Хлеб" Алексея Толстого, не "Счастье" Павленко, не стихи Симонова. Я всегда — отчетливо или смутно — чувствовала их неправду. Опасны были песни, которые пели хором — особенно в школьные годы, во время демонстрации или уроков пения. Да, не надо попадать в стадо, не надо становиться в строй. Звуки марша, когда рядом друзья детства, могут заворожить сильнее слов.

Всю жизнь меня сопровождает голос отца, демократичнейшего человека: "В тебе воспитали стадные чувства". Он не хотел, чтобы я поступала в школу, он не разговаривал со мной после того, как наш класс приняли в пионерский отряд, он не разговаривал ни со мной, ни с мамой после того, когда я подала документы на филологический факультет ИФЛИ, любя литературу и почитая ее превыше всего. Нет, он не сомневался в моих способностях, он верил в них больше, чем я. Но только повторял: "Как ты будешь жить с такой профессией... В этой стране..." Хотел, чтобы пошла в Архитектурный, всю свою жизнь хранил мои детские рисунки в своем портфеле. В нашей семье были и архитекторы и врачи. Под его активным напором я поехала забирать документы из ИФЛИ, чтобы подать на Медицинский. Решила твердо — поехала туда, где временно был размещен ИФЛИ. Перед тем как зайти в приемную комиссию, я остановилась в коридоре и стала читать объявления, развешенные на стене: и там, среди прочих, висело одно — в нем назначались сроки экзаменов для студентов с "хвостами". И буднично перечислялись курсы, группы и предметы. Вдруг я прочитала: "древнерусская литература", "античная литература"... Не отдавая себе ясного отчета в том, что делаю, я отошла от объявления, спустилась по лестнице на улицу и отправилась домой.

Я проявила тогда, как сейчас понимаю, настоящую волю. С этого момента до 1-го сентября — дней зачисления в институт — жила в каком-то подъеме, сдавала через день экзамены по множеству предметов. Четыре раза — математику, три — литературу, физику, химию, географию и две истории. Конкурс был дикий — я узнала об этом только когда поступила. Оказалось, что по конкурсу я заняла второе место. Но что-то помогало мне сдавать, отвечать на викторинные вопросы по литературе, вело меня — какая-то сила была на моей стороне: был случай на экзамене по истории, которую мы знали хуже всего, когда экзаменаторы, восхищаясь моим ответом, оборвали меня на черте, за которой я ничего не знала.

Да, тогда, в первые дни, отец был в отчаянии. Оно становилось все сильнее, потому что как раз в это время начали уничтожать наш Новинский бульвар, на котором стоял наш дом. Его Новинский бульвар, который был частью собственной его жизни. С вековыми липами, разросшимися густыми аллеями. Отец осунулся за эти дни, когда начали рубить деревья и корчевать пни. Под нашими окнами. Я никогда не представляла, что может быть такое.

С моим поведением он в эти дни примирился и даже дяде-архитектору с удовольствием рассказывал о нем. Не знаю, кто из нас был прав. Отец никогда не ошибался в своих предчувствиях и понимании того, что происходит в стране. Хотел облегчить мою судьбу... Знал, что такое литература в современном мире... "Чем ты будешь заниматься?" — до сих пор слышу его вопрос, на который я тогда не находила ответа. Должна сказать, что моя лучшая школьная подруга была на стороне отца. И ее мать — тоже.

Вообще, понимание сталинского мира в среде дореволюционной интеллигенции было более осозанным, чем в семьях большевиков. Просто среди нас не было Павликов Морозовых, на которых те очень рассчитывали.

Во время сноса Новинского бульвара отец так громко ругал Сталина, что мы боялись — из дырочек от радио будет слышен его голос. А он не боялся этого, он всегда его ругал и иначе, чем "проклятый чистильщик", не называл никогда. А мама говорила: "Не могу видеть его с ребенком на руках...". И я вступала в спор, когда была мала, но однажды на Арбатской площади увидела чистильщика. Это был Сталин, — с его бровями, глазами и усами, в его, как мне показалось, фуражке. Я даже постояла около него несколько минут, а когда он повернулся ко мне лицом, быстро убежала. И ничего не сказала отцу, но к этому месту Арбатской площади — на повороте Арбата к улице Воровского — старалась не подходить. Издали видела — там всегда сидел чистильщик.

Отец был прав, — что не щадили нас и доверял нам — дочерям. Я была младшей, и груз на мои плечи ложился более тяжелый. Я благодарна отцу, что он снабдил меня таким компасом. Потом, через многие годы поняла, что привычно звучащее в нашей квартире словосочетание "проклятый чистильщик" не просто передает отношение отца к Сталину. Оно свидетельствует и о том, как он понимал уровень его интеллекта. Всегда. Это, конечно, художественный образ — для меня, во всяком случае, навсегда. И в том, что я пишу о Сталине, главное — желание конкретизировать и подкрепить этот образ, созданный отцом, если уж я нарушила его желание и пошла на Филологический факультет.

И еще одно. Во время этих страшных процессов... Если поверить в них, то черная пелена ляжет на глаза. Мир предателей, шпионов и убийц будет торжествовать всегда. Инженеры, взрывающие шахты, которые они строили своими руками... Этот образ был для меня почему-то особенно невыносим, может быть, в силу заложенного во мне с детства чувства профессиональной чести. Если поверить... Он не дал мне поверить. С текстом в руках, с газетой. Он анализировал допросы и речи подсудимых... И две его вещи фразы (их хорошо помнит и моя сестра): "Так не признаются... Так не признаются...". И еще: "С ними что-то делать!".

Кроме нравственных уроков, он не подозревая, дал мне урок и для будущей профессиональной моей жизни. О правдоподобию прямой речи, о совпадении личности говорящего, его языка, его биографии с тем, что и как он говорит. Что можно сказать от имени "я", от имени "мы" и в третьем лице? Конечно, я смогла это понять на конкретных рукописях только в результате полного слияния со своей профессией. Это дало мне потом возможность отличить рукопись Солженицына от рукописи лагерного стукана. И за это я благодарна своему отцу.

Вместе с тем он, конечно, не представлял всю систему строительства социализма руками заключенных. Не мог знать о ГУлаге. А я вообще считала в детские годы, что всех арестованных тут же убивают. Пришла к этому своим умом и никого не спрашивала об этом. Но не думала постоянно, как бывает в детстве, играла и веселилась как могла изо всех сил.

И если отец не знал о ГУлаге, то он хорошо знал живущих рядом с ним в доме и работающих в одних и тех же учреждениях ответственных партийных руководителей — большевиков, крупных и не очень крупных начальников. Видел их глубоко. И, за исключением нескольких, презирал за бездарность и подлость. И за прямое воровство.

Под нами, в такой же квартире, как наша, жил партийный хозяин крупного учреждения. Секретарь партиячейки, так называлось тогда. Жил с женой и сыном. Потом секретарь, кажется, работал в ЦК. Отец так часто повторял одну его фразу, что я запомнила ее на всю жизнь. Сокращенную фразу. О Льве Николаевиче Толстом. Тот сказал:

— Хорошо, что старик умер. А то принес бы нам много хлопот...

Вот о чем тоже думали партийные руководители. Это хозяйское "нам"... Победившие большевики и Лев Толстой — серьезная тема. Что было бы, если бы он не умер на пороге войны и революций? Что было бы с нами? И со страной? Какая библейская трагедия обрушилась бы еще на нашу жизнь? Я не знала тогда, что Ленин назвал умершего Толстого "зеркалом русской революции". А что делали большевики с зеркалами, мы хорошо знаем. И наш секретарь — лучше всех. Толстой, вероятно, умер, чтобы остаться с нами. Без него мы не сумели бы прожить.

Как я говорила, отец вспоминал слова партийного руководителя много раз. Особенно часто после того, как пришли арестовывать его, его жену, а сын остался один.

Но после ареста и расстрела его прежние доносы преследовали отца всю жизнь. По его материалам отца изгоняли с работы до конца дней. Он часто был без работы, что несло ему много унижений, а семье — большую нужду. Трудно о нем писать и сейчас... Дело в том, что отец совсем в юные годы и в годы Февраля активно примыкал к меньшевикам и был широко известен. Как меньшевик он подлежал уничтожению, и чудом уцелел, прожив несчастную жизнь. Бесконечные обыски, обыски и даже аресты.

Итак, я не забрала своих документов из приемной комиссии филологического факультета ИФЛИ и не поступи-

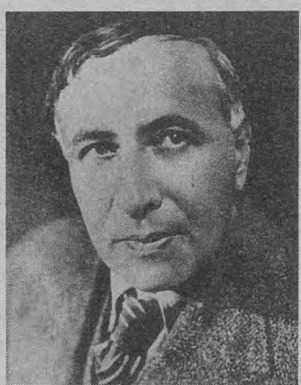


Все, кто в середине нашего века жил интересами отечественной литературы, помнят, каким оазисом в душном постсталинском мире был журнал "Новый мир" той поры, когда его редактировал Александр Твардовский. Вряд ли какой-нибудь еще журнал ждали с таким нетерпением, с такой надеждой. Интеллигенция — да и не только одна интеллигенция — находила в нем отзвук своих мыслей и чаяний. И всем еще памятна та тревога, которой сопровождался выход каждого номера в 60-е годы: а вдруг журнал закроют? как власть спривит с непокорным изданием?

Несомненно, что "Новый мир" в те годы печатал лучшую русскую прозу. И почти вся она прошла через редакторские руки Анны Самойловны Берзер (1917 — 1994). И какая это была проза! Как теперь звучат эти имена! Василий Гроссман, Юрий Домбровский, Виктор Некрасов, Василий Шукшин, Александр Яшин, Василь Быков, Виталий Сёмин, Федор Абрамов, Владимир Тендряков, Елена Ржевская, Георгий Владимов, Фазиль Искандер, Ерим Дорощ, И. Грекова, Владимир Войнович, Анатолий Рыбаков, Юрий Трифонов...



Александр Бородин.



Александр Таиров.

ла в Медицинский институт. А медицину за годы жизни так не полюбила, что и писать боюсь. Но архитектура... Она мстит мне за измену. Архитекторами были и дедушка, и дядя — знаменитый архитектор, столько двоюродных братьев и сестер. Что и говорить! Архитектура мстит мне за измену, тоской по улицам и домам разрушенной Москвы. Не просто снесли дома, разрушили их соедниение, движение переулков и площадей. Убили музыку архитектуры, ее живой ритм, который, как оказалось, жил во мне с детских лет.

Конечно, преступники уничтожают деревья, но дерево можно вырастить на земле: я вижу это выселенная в панельный озелененный белый бред из моего старого дома на Новинском бульваре. Но убитый дом оживить нельзя, а убитый переулок не воскреснет никогда. И улица и площадь — особенно. Ведь разрушены все масштабы, вся причудливая гармония старой Москвы, без которой не может жить человек в городе, который он любит. Если ты — москвич и прожил всю жизнь на углу Новинского бульвара и Кречетниковского переулка, прочулся десять лет в школе загадочно извивающегося Кривоарбатского переулка, когда почти в каждом доме и переулке на Арбате жили одни друзья.

"Забудь об Арбате, — сказала мне школьная подруга, узнав о моих хлопотах по обмену после выселения, — забудь об Арбате... Его нет... В него нельзя вернуться назад".

Соединение фасадов, чередование домов, смена особняков и колонн, незримое движение улицы и переулка...

"Забудь немецкий язык... Забудь немецкий язык", — повторяла я во время войны, стоя у горевшего от немецкой зажигательной бомбы необыкновенного дома на Новинском бульваре под названием Книжная палата. И забыла... А дом сгорел и не был восстановлен — я когда-то писала о нем.

От прямого попадания фугасной бомбы был уничтожен большой кирпичный дом в Проточном переулке, в районе Смоленской площади, а в подвале, в бомбоубежище погибли все его жильцы. В него было страшно. А фугасная бомба, брошенная в Театр имени Вахтангова — в ту ночь вылетели все стекла в нашей квартире, а вокруг театра на Арбате были трещины и повреждения, то отвалилась часть стены, то рухнула другая. Я бегала туда много раз. А в конце улицы Воровского стоял старый дом, там была аптека, в него два раза падала бомба — две ночи подряд! Напротив же нашего дома, чуть ближе к Смоленской площади, стоял милый, желто-старо-московский двухэтажный домик. И во время бомбежки отвалилась стена. Он стоял обнаженный — видны были комнаты, кровать и стол. Что дома — живые, раненные и родные, — это я поняла тогда.

И хотя я забыла немецкий язык, но не война разрушила Москву. Москву изрубили москвичи в мирные дни. До сих пор жив в наших руинах сталинский план по реконструкции Москвы. Тогда на нашем доме на плане появились надписи — "На красной черте". И на многих других домах тоже. Я когда-нибудь напишу об этом подробно — о репрессивном выселении интеллигенции из Москвы — под надзором прокуроров, судов, милиции, всех органов власти. При Брежнев, Промыслов, Посохине...

Сталинское отношение к Москве и в том, как пробивали

И, само собой, — Александр Солженицын, чей "Один день Ивана Денисовича", впервые попал в руки Анны Берзер — всецело благодаря ей — стал, минуя все внутриредакционные препоны, счастливо-обходящим чтением Твардовского.

Анна Самойловна Берзер, прекрасный литературный критик, автор и серьезных и насмешливых статей и рецензий, запомнившихся читателям тех лет, оказалась незаменимым сподвижником Твардовского в поиске и публикации лучшей русской прозы. И вместе со всей редакцией пережила разгром "Нового мира", гибель журнала.

Отставленная от своего журнала, она еще два с лишним десятилетия жила, осмысливая его судьбу и вообще судьбы русской литературы трагического советского времени.

Одним из свидетелей этой работы была книга "Сталин и литература", которая полностью печатается в одиннадцатом номере журнала "Звезда".

Сегодня "Вечерний клуб" публикует две главы из книги Анны Берзер.



Демьян Бедный.



Иосиф Сталин.

бульдозерами Калининский проспект, круша улицы, дома и переулки. Когда на наших глазах над прекрасным ампирым особняком нависает подъемный кран и бабами своими с грохотом опускается на дом. И лупит его, лупит, а дома — старые, крепкие, кирпичные. Кирпич проступает, как кровь, а разрушенный дом под конец добивают — взрывают динамитом. Грохот от взрывов постоянный. Годы длилась эта пытка. Мой старый пятиэтажный дом, как рассказали мне, не могли уничтожить в течение нескольких дней. Его разделили на три части и по частям взрывали динамитом. Было это в 1967-ом году.

"Когда я умру, вас выселят из нашей квартиры", — много раз говорил мой отец.

"Огульно чернит богатырей"

В ноябре 1936 года, накануне 1937-го, случилась такая причудливая история. Дело в том, что композитор Бородин написал когда-то оперу "Богатыри", которая, кажется, никогда не была поставлена. И однажды режиссер Таиров в своем Камерном театре решил поставить оперу Бородина. По моим представлениям — пародийную.

Надо сказать, что я не видела саму эту оперы в театре у Таирова. И потому я позволю себе — единственный раз в жизни — написать о том, что не видела и не прочитала сама. Значит, опера была шуточно-фарсово-пародийная. Такой ее написал Бородин в 1867 году. Что очень важно подчеркнуть. Он умер в 1887 году, а родился так давно — в 1833-м. Был связан с "могучей кучкой" русской музыки — самой народной. И был прекрасным композитором, написал оперу "Князь Игорь", взяв для нее сюжет из "Слова о полку Игореве", знаменитого произведения нашей литературы. И написал при этом "Богатырей", которые в музыкальных справочниках названы не только театральным пьесой, но и музыкальной пародией. Главное — Бородин.

И вот Камерный в конце 1936 года решил поставить оперу "Богатыри". Театр Таирова был тогда в расцвете своих левых формальных поисков. Бородин и Таиров — интересное соединение. Я и сейчас охотно посмотрела бы такой спектакль.

И вдруг оказывается, что либретто оперы написал наш бедный Демьян Бедный. Для Бородина он, конечно, не писал. У Бородина был другой автор — Виктор Крылов (1838 — 1910 год), известный в те годы драматург, написавший чуть ли не 125 драм и комедий.

Главными героями оперы были русские богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Конечно, в опере главное — музыка, постановка, режиссер театра и дирижер оркестра, а либретто идет за ними вслед. Но без него, конечно, не обойтись.

Итак — Бородин, Таиров и Демьян Бедный... Чего не бывало в нашей жизни...

О чем думал Демьян Бедный, — об этом определенно сказать я не смогу. Но не исключено, что ему почудилось, что русские богатыри жили так давно... И не могли совершать своих подвигов под непосредственным руководством Сталина.

Не тут-то было! Только оперу поставили в конце 1936 года, как ее в момент сняли в ноябре того же 1936 года по прямому указанию Сталина и изгнали из репертуара. В том

же ноябре указание Сталина было реализовано в специальном постановлении Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК СССР. А 14 декабря 1936 года в газете "Правда" была напечатана специальная статья, где говорилось, что опера "огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главные из богатырей являются носителями героических черт русского народа".

Огульно чернит... богатырей... Милая сталинская фраза! Конечно, по высшим законам жизни и искусства этот комический оборот должен вызвать взрыв смеха в нормальном гармоничном мире. Но нам не до смеха. Огульно чернит! Сколько после такой фразы полегло у нас людей. Богатырям все-таки легче устоять.

Так Сталин ринулся на защиту богатырей. С таким же успехом он мог обрушиться на русские сказки за то, что своего любимого героя народ назвал — и Иван, и Иван-царевич, и Иванушка, и Иван-дурак, отражая все оттенки жизни народной, судьбы героя и собственных чувств. И ирония, и любовь, и насмешка. Огромное богатство и разнообразие чувств, которые нуждаются в своем особом понимании.

Огульно чернит... Бедные богатыри! А если помнить нашу историю и литературу, то нельзя не сказать, что образы богатырей тоже окрашены этим богатством оттенков и красок. И даже о самом любимом и благородном — Илье Муромце — мы узнаём, что он не владел ногами и до тридцати лет "сидел сиднем" в отцовской избе. А исцелили его "калики перехожие", приказавшие выпить три чары воды. Не чернят ли огульно эти факты образ народного богатыря? А напутственные слова отца Ильи, крестьянина, благословляющего сына на воинские подвиги:

Не помысли злом на татарина,
Не убей в чистьм поле христианина, —

каким вызовом сталинскому миру звучат они. И как недостижим этот завет милосердия и гуманизма и в наши дни.

Я не собираюсь погружаться в былинный эпос, но добавлю только, что если Илья Муромец — всегда благоден и прекрасен, то к Алеше Поповичу народ не относится с такой любовью и сами богатыри — тоже. Он иной раз попадает в смешное положение. Он — не прямой человек, склонен к обману и побеждает в боях не столько силой и храбростью, сколько хитростью и обманом. Все эти черты отношения народного доносили до нас русские былины.

Так, по сути дела смехотворно и антинародно, выглядит эта сталинская защита богатырей. Да, если бы Сталин не был бы Сталиным. И это не принесло бы в нашу жизнь, историю и литературу непоправимых бедствий.

А если на минутку вспомнить "Слово о полку Игореве" — его великую полифонию. Образ автора, его печаль о том, что князя не сумели объединиться, чтобы победить. Ведь князь новгородский Игорь попадает в плен. И автор "Слова" так сокрушается о том. Но не скрывает от людей, что произошло.

Добавлю к этому, что композитор Бородин, написавший, как известно, на сюжет "Слова" оперу "Князь Игорь", произвольно усилил эту тему, потому что целый ее акт составляют половецкие песни и пляски потрясающего музыкального звучания. И даже есть там ария Кончака — половецкого хана.

Вероятно, Бородин не случайно попал в эти сталинские ряды. И можно было написать о том, что он в своей опере "огульно охаял" знаменитого новгородского князя Игоря, показав, что он потерпел поражение в битве на Кияле-реке. А потом уделил непомерное внимание его плену.

Но в опере "Князь Игорь", которая в это время шла на сцене Большого театра, Сталин разобраться не смог. Поставлена она была в ключе классического реализма, а Демьян Бедный не писал для нее либретто. В русской литературе, музыке, театре есть великая полифония чувств, движения мысли, поворотов изображения. От древнерусской литературы до "Калитанской дочки" и, одновременно, "Истории Пугачевского бунта", от Льва Толстого до Алексея Константиновича Толстого...

Каждый художник имеет свое право на осмысление — от великого до смешного.

Хочу еще раз вспомнить имя Алексея Константиновича Толстого — высокий пример его понимания истории, ее движения от прошлого к настоящему. Его баллады исторические — "Илья Муромец", "Поток-богатырь", "Алеша Попович" и необыкновенный "Князь Серебряный", знаменитые его исторические пьесы... А как он понимал ужас Ивана Грозного, Петра Великого. И лирика, и трагедия, и сатира по отношению к прошлому — все нашло свое место в его творчестве. Такие смешные и живые его вещи, как "История государства Российского от Гостомысла до Тимашева" — и сейчас невыносимо трудны для наших современных наследников Сталина.

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекали наши предки:
Порядка-де, вишь, нет...

И сатирический образ Кошкин Прутков, как бы вырванный из гуши реальной жизни. А озарения таких его строк:

Иль в тени журнал дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшею звон заздравный?
Иль мечи быто о мечи?..

Песню кто уразумел?
Кто поймет ее слова?
Но от звуков сердце млеет
И кружится голова.

Это — тоже глухая история, из баллады Алексея Константиновича Толстого — "Алеша Попович". Что такое поэзия истории? Ее душа? И тайна, загадка, которую не всегда мгновенно можно разгадать: "Песню кто уразумел?". Пониманию русской истории, заложенной в традициях русской литературы, его богатству, не было места в сталинском мире.

Но теперь, на новом повороте, Сталину захотелось иметь своего графа, тоже пишущего исторические произведения. Не Алексея Константиновича Толстого, конечно, а Алексея Николаевича Толстого. Он по праву займет свое место. В этом выборе сталинская изощренная хитрость еще скрыта для всех людей.

Но вся история с "Богатырями" закрепляет грубый поворот к грубому животному национализму, на его пути к фашизму. Это я уже повторяла много раз. Следует повторить снова...

А главу эту хотелось бы закончить фразой-анекдотом, которую я услышала в те годы, когда начинала работать. К Алексею Николаевичу Толстому забежали на огонек гости, и его слуга им сказал, что его нет дома, прибавив:

— Его сиятельство ушелши в райком.

Конечно, райком — слишком первичная для графа инстанция. Но все смеялись, когда повторяли эти слова.

Заключая эту неповторимую историю, мне хотелось бы добавить еще несколько слов о том, что с этого момента началась травля Таирова и его театра, которая шла уже на фоне разгрома Шостаковича и после статьи о нем — "Сумбур вместо музыки". А борьба Сталина за реализм против формализма имела для нас не менее бесчеловечные итоги, чем его введение патриотизма.

"Богатыри" Бородина так и не увидели света ramпы. Ниогда. Проверяя себя, я спросила об этой опере старого друга — Елену Николаевну Дунаеву, с которой мы вместе учились в школе, в институте, вместе бегали по театрам и концертам. Многолетний отличный работник Литературного музея... Знаток культуры... Она сказала, что мы, увы, не видели этой постановки. Но потом позвонила, добавив, что нашла в воспоминаниях Алисы Коонен рассказ о том, что Таиров так увлекся оперой, что ездил специально в Ленинград, где она хранилась. Судя по всему, была эта вещь — молодая, живая, написанная Бородиным в начале пути. И пародировала больше славящую западную оперную музыку, чем историю.

Да, главной жертвой оказался русский композитор — Бородин.

Публикация и подготовка к печати
Ирны БОРИСОВОЙ
и Владимира ГЛОЦЕРА.